

Джареду нужны были ответы. Ему нужно было так много вещей. Ему нужны были ноги, которые могли бы выдержать его вес, когда он стоял, нужны были ребра, которые могли бы выдержать его глубокие вдохи, и, если какие-нибудь боги слушали его в этот момент, ему также нужно было знать, почему автоматика выбрала это имя из всех возможных.

"Ты уверен, что хочешь, чтобы я тебя так называл? И, я имею в виду, действительно уверен?" - Спросил Джаред, кажется, в сотый раз за последний час. С каждым разом он все больше и больше опасался самого себя. Испытывал ли он галлюцинации по команде, конструкт внутри него, неспособный произнести какие-либо слова, которые он мог слышать? Он что, сходит с ума?

Он должен был. Не было никакого способа, чтобы мир, который он воспринимал, был реальным. Это было слишком вымышленно, без каких-либо реальных оснований для чего-либо. Кровь была фальшивой, мертвые взгляды холодных трупов его нисколько не шокировали. Единственным потрясением, которое он мог испытать, были моменты, когда конструкт смотрел ему прямо в глаза и говорил ему слова, которые были подобны самому опасному яду.

"Да. Мне сказали, что это имя со значением", - сказал автомат с определенным именем. Не то чтобы Джаред чувствовал себя комфортно, даже думая об этом, простое присутствие этого вселяло страх в его душу. Если бы у него вообще была душа. Это имя, возможно, просто высосало из него все, что он знал. Даже проклятая душа сатаны, измученная душа, которая всегда жаждала добычи, ничего бы не значила по сравнению с дьяволом, который был именем, выбранным конструктом. "Коллега сказал мне, что это был отличный выбор".

Ничто не имело смысла. Все это было фальшивкой, одной большой иллюзией, предназначенной для того, чтобы мучить его вечно. Это должно было быть именно так, верно? Джареду захотелось встать на свои слабые ноги и закричать до небес о том, что он видел сквозь занавески, видел то, что куклы и картины пытались скрыть от него, что он понял правду о своей фальшивой жизни. Но... он просто неподвижно сидел на заднем сиденье машины, позволяя своему телу отдохнуть, как его и просили.

"Но есть много других имен со значением", - возразил Джаред, кажется, в десятый раз. Обычно он просто умолял автоматизацию вникнуть в суть дела, но иногда все же пытался найти во всем этом хоть какую-то логику. Вместо того чтобы возлагать вину на окружающих, он пытался оправдать действия других и присущее им зло своими собственными идеями и идеалами.

Большую часть времени это не имело смысла, и Джаред прекрасно понимал, что нет никаких гарантий, что это когда-нибудь полностью сработает. Гордость была непостоянной штукой, способной дарить много подарков и в то же время закрывать так много дверей. Даже когда он пытался забыть эту свою сторону, игнорировать историю, которую он так долго рассказывал себе, он не мог не смотреть на него сквозь эту призму вечно. Если бы это было похоже на рану, потребовались бы годы, десятилетия, вечность, чтобы зажить, повреждение всегда могло оставить шрам на его теле. Был шанс, что это всегда будет видно, что то, как он держал себя и как он сражался, покажет всем, какие цвета он действительно носил в течение столь долгого времени. Джареду ничего не оставалось, как принять это, и все же он прекрасно понимал, как бы ему хотелось, чтобы это полностью исчезло из его жизни. Тем не менее, это была всего лишь еще одна надуманная мечта, возникшая только в его воображении и в реальности, которую он сам создал.

Однако не тот, в котором он был. Нет... Это был ад, созданный не для его собственного блага, а для того, чтобы усилить его собственные страдания. Он снова и снова видел серьезные ошибки, видел, как другие совершали поступки, о которых потом жалели, считая себя гениями

десятилетия. Совершенные действия, произнесенные слова, все, что он видел в те времена, никогда не оставалось без каких-либо последствий. И, к лучшему или к худшему, Джаред знал, что то же самое будет происходить и с этим проклятым именем, которое выбрала конструкция.

"И есть сотня способов сказать "два""Это не значит, что я не буду использовать тот, который мне нравится больше всего", - сказал конструктор. Автомат опустился на одно колено, достал из кармана один из мешков для трупов и быстро начал запихивать в него тело. Действия были быстрыми, без пауз и с большей эффективностью, чем Джаред когда-либо видел.

Действительно то, что заслуживало того, чтобы в конце концов обогнать его. "У меня есть вкус, у меня есть желание чего-то, по чему я могу познать себя. Вы называете себя Джаредом, даже если другие считают такое имя средним по качеству. И все же ты все еще носишь его с гордостью, потому что это имя, которое тебе дали, и имя, которое ты сохранишь из-за него".

О, как сильно Джареду хотелось встать и высказать по этому поводу все, что он думает. У него было так много слов, которые нужно было выкрикнуть, так много вещей, которые нужно было воскликнуть, не переводя дыхания, так много цитат, которые ему нужно было привести о качестве традиции. Но... все это упало на неподвижный язык, шестеренки этого человека заработали быстрее, чем его рассуждения.

Его разум думал и думал, слова конструкции дробились на все меньшие и меньшие кусочки. Как и система в его желудке, все это работало через пищеварение. Все было превращено во что-то, на все смотрели, и все было покрыто им. Прежде чем что-то еще можно было сделать, Джаред посмотрел на сказанные слова, прежде чем он посмотрел на себя и вздохнул.

Конструкция была правильной. Так было правильно с самого начала. Джаред, хвала имени, которое у него было, был тем, на кого часто смотрели свысока. Это было имя, подходящее пожилому человеку, прожившему полную тяжелых усилий и труда жизнь. Это не подходило такому человеку, как он, только что достигшему своего настоящего расцвета. Он был недостаточно взрослым, чтобы соответствовать стереотипу. Он был не тем, о ком люди думали, когда слышали его имя.

И это было одной из его самых больших слабостей. Он не вписывался в эту группу. Он не вписывался в ту идею, которая была у Джареда в головах обычных людей. Джаред знал это. Он знал этот факт годами, даже десятилетиями. И все же ... Что он сделал против этого? Что он сделал, чтобы изменить это название, чтобы убедиться, что он может лучше вписаться в рамки, созданные окружающими его людьми?

Он ничего не сделал. Не было сделано ни единого шага к этой цели - стать обычным человеком. Ничто не мешало ему принять обличье другого имени, чтобы его называли как-то, что больше соответствовало его форме и росту. Но на самом деле он никогда не думал об этом, все его существо ассимилировалось с личностью по имени Джаред. Он был Джаредом, а Джаред был им. Это было невозможно изменить, независимо от того, как сильно другие настаивали на том, чтобы это стало реальностью. Он гордился тем, кем он был, кем он стал и кем он будет в будущем. И без малейшего сомнения в своем уме он знал, что его имя будет жить так же долго, как и он сам, что оно никогда не будет изменено.

Это было не то, что требовало мужества. Это ничего не требовало от человека. Для этого требовалось только, чтобы они знали, кто они такие. С этим простым фактом стало бы невозможно изменить их, заставить их отпасть от того, кем они всегда знали, кем они были. И... когда за кем-то закреплялось имя, Джаред ничего не делал, кроме как уважал их выбор.

Конструктору нужно было имя, он выбрал имя и критиковал его с того момента, как впервые

услышал. Он видел выбор, на который ушло так много времени, и он плюнул на все, что это значило. С какой высоты этот человек поднял свое собственное имя, с какой высоты он смотрел на наследие, стоящее за ним, как он мог видеть себя в зеркале с тем, как он относился к другим людям того же класса? Ну и что с того, что это было другое имя? Сила, стоящая за этим, была одинаковой и в его уме, и в его сердце.

"... Прекрасно. Я сожалею обо всем этом, - сказал Джаред, поднося руки к голове и делая достаточно глубокий вдох, чтобы его ребра снова начали болеть. Мужчина был вынужден остановиться, и его лицо исказилось гримасой боли. "Я должен был догадаться, что ты так себя чувствуешь, что ты вообще что-то чувствуешь на самом деле. Просто так трудно привыкнуть к этому новому мышлению, когда ты не являешься инструментом для того, чтобы раскрыть мое разочарование в несвязанных вещах ".

И вот он начал говорить слишком много вещей, говорить истины, предназначенные только для того, чтобы их знал его разум, предназначенные только для того, чтобы его сердце размышляло об этом. К этому моменту Джаред был уверен, что конструкция зарегистрировала его работы, поместив их в базу данных, чтобы все другие системы автоматизации могли видеть их на виду. Возможно, некоторые из них смеялись над его бессмысленными комментариями, съезживаясь от глупости, которую он не мог не изображать постоянно. Или, может быть, они просто надеялись, что он сделает глубокий вдох и попытается посмотреть, не спадет ли у него температура.

О... у него был жар. Джаред не замечал этого до сих пор. Может быть, это было потому, что его организм только в тот момент отметил этот факт, заставив его осознать тот факт, что температура поднялась до сорока одного градуса по Цельсию. Довольно высокий для пользователя с дополненной системой, у большинства из них даже не поднимается температура. Джаред, конечно, не мог припомнить, чтобы получал что-то подобное за последние пять лет. И все же ... головокружение заставило его вспомнить все другие случаи, когда он пытался сделать что-то подобное, когда его разум был не в состоянии отличить речь от мыслей. Говоря простым языком... Джаред не чувствовал своего языка. Может быть, оно двигалось, а может быть, направлялось к его горлу. У него не было никакого способа узнать об этом.

"Все в порядке", - внезапно сказал конструктор. Когда это было близко? Обычно Джаред был бы достаточно шокирован, чтобы оттолкнуть автоматику, но в тот момент его руки не чувствовали себя готовыми к этому. На самом деле его голова едва позволяла ему двигать глазами. Хотя он не был уверен, было ли это вызвано усталостью или сильной тошнотой. Мир был ужасно близок к тому, чтобы вращаться быстрыми темпами. "Я уже все это знал. Мы все это сделали".

"Есть еще такие, как вы?" - Пробормотал Джаред невнятно, не в силах понять механику движения языка в тандеме с губами. Это всегда было так сложно? Потому что он, конечно же, не мог вспомнить этот факт, потому что у него просто пересохло во рту. Ему казалось, что жар поднялся так высоко, что жидкость внутри его тела полностью высохла. Может быть, это был просто еще один признак того, что пот на его теле был не к добру. Когда он успел так промокнуть?

"Нет, есть только один я. Я полагаю, мы только что согласились с этим фактом ", - сказал автомат. Это помогло ему подняться с места, прежде чем подвести мужчину к бортику машины. Благодаря сильному телу конструктора, он легко мог нести его одной рукой, одновременно открывая дверь внутри машины другой. "Я благодарю вас за комплимент, но я считаю, что вам нужно прилечь. Пожалуйста, берегите свою голову. Было бы ужасно, если бы ты вдобавок ко всему получил сотрясение мозга.

Джаред, конечно, не возражал против холодного сиденья, его тело отчаянно нуждалось во всем, что хоть немного охладило бы его. Были предприняты слабые попытки избавить его тело от нескольких оставшихся частей брони, некоторые части вонзились ему в и без того чувствительный живот. Все попытки были неудачными, хотя он каким-то образом включил кулер.

"Это был я", - сказал автомат, которого Джаред называл своим партнером. Как это мило с твоей стороны. "Я уверен, что тебе это нравится. Пожалуйста, лежите спокойно и отдыхайте. Если это возможно, было бы большим подспорьем, если бы вы могли держать свое тело в стороне. Это не займет много времени, прежде чем мы сможем вернуться на станцию. Мне просто нужно упаковать оставшиеся трупы.

При упоминании об этом Джаред попытался вскочить из положения лежа. Он должен был помогать с этим! Во время разговора с Грюнвальдом не было никаких упоминаний о том, что он ложился и отдыхал. Он должен был быть на ногах, выполнять свою работу и помогать сохранять город безопасным местом. Поэтому неудивительно, что мужчина сделал все возможное, чтобы подняться с сидений и побежать. Но... какая-то сила удерживала его на месте. Очень злая сила. Это было единственное, что пришло в голову Джареду.

"На самом деле я бы предпочел, чтобы меня называли твоим партнером. Или ... может быть, ты мог бы просто использовать мое имя?" - сказала автоматика, удерживающая его. "Есть только еще одна сумка, которую мне нужно положить в машину. Для тебя было бы бессмысленно вставить сейчас. В каком-то смысле это помогло бы станции, если бы вы легли. Ты понимаешь?" - спросила автоматика. Джаред кивнул, даже его слабый ум был способен понять, какие действия помогут команде. В конце концов, он был сторонником. "Хорошо. Это займет всего секунду".

Было слышно, как автоматика делает шаги прочь от двери, обратно в конец вагона. Джаред едва мог различить это по своему пульсу, пот заливал уши, из-за чего все было трудно разобрать по-настоящему. Однако он не возражал, зная, что переезд снизит эффективность. А эффективность была ключом к успеху.

"Я надеюсь, что я помогаю... Неро".

Его щеки покраснели от пота. Это было последнее, что Джаред помнил долгое время. Возможно, именно поэтому он не помнил, что произошло через тридцать секунд после этого бормотания, и все это навсегда осталось тайной.

<http://tl.rulate.ru/book/81391/2620365>